

УДК 008:001.81[728+070]

А. Ю. КРАМЕР

Приключения книжной полки (в эпоху информационных технологий)

Книжная полка – артефакт культуры, который с конца XIX века до начала XXI-го века работал ключевым маркером «треугольника интеллектуальной деятельности» – паттерна расстановки мебели, включенного в ансамбли артефактов и практик умственного труда, в том числе и в журналистике. С развитием электронных медиа, а позже и информационных технологий человеческая размерность книжной полки оказывается не востребуемой. Треугольник ломается, книжная полка воспроизводится в культуре, но теперь уже только как артефакт дизайна.

Ключевые слова: книжная полка, человекоподобность, умственный труд, архитектура, журналистика.

A. YU. KRAMER

Bookshelf Adventures (in the era of information technology)

A bookshelf, from the end of the 19th century to the beginning of the 21st century, was a cultural artifact served as a key marker of the “mental work’s triangle” – a furniture arrangement’s pattern included in assemblages of artifacts and practices, including journalistic ones. The bookshelf in its human-scale lost its importance while the electronic media have developed. The “triangle” was ruptured, a bookshelf now is reproducing in culture, but only as a design artifact.

Keywords: bookshelf, human-scale, mental work, architecture, journalism.

Культурный объект всегда несет на себе отпечаток того контекста, в котором существует, – это своего рода улика, свидетельствующая как о материальной культуре, так и о практиках, в которые объект вовлечен – в том числе на уровне практик мышления. Существуют «фоновые» культурные объекты – вещи, настолько привычно незаметные, что из-за этой незаметности они не попадают на фотографии, их почти не упоминают в письмах и дневниках. Книжная полка – один из таких культурных объектов. Автор осознает, что имеет дело по большей части с косвенными уликами, но даже они могут показать некоторые важные следы организации индивидуального умственного труда владельца книжной полки. Для такого труда в жилище (частном особняке) обычно предусматривалась специальная комната – кабинет. Часто кабинет был и библиотекой, иногда – лабораторией.

Книжная полка стала именно книжной примерно в середине XIX века (до того книги хранились большей частью в шкафах). В архитектурном смысле, она прямо наследует каминной полке, кухонным открытым полкам на консолях, полкам-перемычкам между шкафами и консольными пристенным столам.

Форма следует функции – полка (или стеллаж из нескольких полок) обеспечивает прямой доступ глазу и руке, – куда легче и быстрее, чем полки за закрытыми (пусть и остекленными) дверцами шкафа.

Так случилось, что к началу XX века совпало несколько обстоятельств. Во-первых, книгоиздание еще на рубеже XIX века резко подешевело и технологически усилилось; к концу XIX века чтение книг, журналов и газет стало практически повседневным [11]. Во-вторых, университетское образование стало доступным и обнаружило кратный рост. По данным К. Ярауша, в

Англии, Франции, Германии в период 1880–1911 гг. количество выпускников университетов увеличилось в полтора раза, а в России (за 1897–1926 годы) – удвоилось [13, с. 374]. И все это на фоне научно-технологической революции и повсеместного распространения научных знаний – в формах монографий, учебников, справочников и популярных изданий. К этому следует добавить введение во многих странах в конце XIX века обязательного начального образования. В-третьих, вторая половина XIX века – время распространения умственного труда на рабочем месте в офисах и конторах. Строятся офисные здания, проектируются офисные помещения (помещения редакций в их числе). Примерно тогда же – бум строительства «доходных домов», а в первой трети XX века – проектирования многоквартирных домов эконом-класса и общежитий. Для офисов и малогабаритных жилищ специально проектируется «комбинированная» мебель (к примеру, бюро, секретеры и специальные столы-трансформеры для пишущих машинок), а затем – в первой трети XX века – «стандартные наборы» домашней и офисной мебели.

Отметим, что в планировках «доходных домов» в многоквартирных квартирах часто можно увидеть специальную комнату-кабинет; это началось в 1870-х и продолжалось около 70 лет, после чего кабинет как отдельная комната уступил место «зоне умственного труда» малогабаритной квартиры. Чаще такая зона – в спальне или на кухне, но почти никогда в гостиной. Кабинет или «зона умственного труда» – это место уединения и, как сказал бы Г. Башляр, «пространство творческого одиночества» [1, с. 46]. Интересно, что обстановка кабинета – это книжные шкафы, а вот в «зонировании» – только стеллажи и книжные полки. Тут важный момент – если отдельный кабинет – это свободы распоряжения своим временем, то «зона умственного труда» (или иначе, «умственных занятий») – это место работы вне рабочего места в нерабочее время. Или же – если и когда профессия не подразумевает постоянного нахождения на рабочем месте (как, например, у журналистов).

В крупных редакциях, заметим попутно, были собственные библиотеки (они же и архивы и картотеки), обставленные по большей частью стеллажами и шкафами (см., например, [12; 16]). Книжные полки обнаруживаются в кабинетах редакторов (например, [15]) или журналистов, имеющих право на собственный кабинет. Как правило, на полках – то, что должно быть всегда под рукой: справочники и разные нужные материалы. Остальное (рабочая библиотека) – на стеллаже.

Важное обстоятельство: библиотека в жилом пространстве – это место-концентратор семейной истории (она чаще всего будет местом хранения семейного архива). А также это и место культурного капитала семьи – коллекция книг, собираемая десятилетиями, а то и поколениями; особенно – если это профессиональная библиотека.

Нами было выборочно проанализировано около 200 планировок особняков и квартир, содержащих указания на выбор и предполагаемую расстановку мебели. Исследовались работы отечественных и зарубежных (преимущественно американских и европейских) архитекторов и дизайнеров в отдельные периоды между 1870 и 2020 годами. В ходе исследования нами обнаружен характерный паттерн расстановки, который мы обозначим как «треугольник умственного труда». Он включает в себя стол, книжную полку над столом (спереди или сбоку) и стеллаж (шкаф) с книгами рядом со столом. Характерный вариант «сжатия» треугольника – стеллаж со встроенным секретером; также возможен вариант полки в виде напольного невысокого стеллажа. В этом паттерне полка и стеллаж доступны по принципу «не вставая со стула перед столом».

Этот «треугольник» в разных комбинациях (вернее сказать, ассамбляжах в смысле М. Деланда [4, с. 39]) носит открыто инструментальный характер.

В докомпьютерное время – это способ организации человекообразных процессов опредмечивания и распределенности в ходе интеллектуальной работы. Распредмечиваются книги и рукописи, опредмечивается мысль в рукописные наброски (словесные и графические черновики), рукопись или машинопись законченного произведения. Как результат, так и процесс имели, – используем термин В. Гропиуса, – «человеческий масштаб», включая осязаемый вес рукописи.

Человекообразность важна еще и потому, что оптимизация «организации труда» была одной из главных целей движения НОТ (научной организации труда). Уже начиная с конкурсов 1920-х – 1930-х годов на проекты стандартных комплектов мебели [5] мы видим отчетливый функционально-эргономический подход разработчиков, как применительно к отдельным комнатам, так и к зонированию внутри комнат, – чаще в спальнях [8, с. 21] или общих комнатах; отметим, что этот подход был чрезвычайно характерен в СССР примерно с конца 1950-х и до середины 1980-х по отношению к малогабаритным квартирам в многоквартирных серийных домах.

Важно отметить: книжные полки крайне редко попадали в бытовые фотографии семейных и даже рабочих интерьеров того времени (по крайней мере среди доступных нам фотографий). Возможно, причина здесь в представлениях об умственном труде как процессе интимном и уединенном, никак не связанном с демонстрацией должного в ритуалах семейной сплоченности [2, с. 53] (ср. у Дж. Нельсона: «Гостиная – место вежливого приема, кабинет – место, где раскрывается человек» [9, с. 189]).

Когда меняется ключевой артефакт результата работы (продукт, в т. ч. «мастер-копия» в журналистике [6, с. 107 и далее] – меняются и все ассамбляжи артефактов и практик, связанных с ним. Человекообразность практик столкнулась с нечеловекообразным продуктом электронных устройств уже в последней трети XIX века (телеграф и телефон), далее трансформации усилились (радио, ТВ, компьютеризация).

Это важный момент, который необходимо зафиксировать: электронный продукт (артефакт) – нечеловекообразен, для доступа к нему требуется специальное устройство, конвертирующее размерность. И тогда в практике мы имеем дело не с самим объектом, а с его образом на экране, и доступ к нему мы имеем через устройство «компьютерной периферии» – через программы и приложения, которые навязывают нам правила взаимодействия, причем мы не имеем прав вмешательства в эти правила.

А если учесть, что кибернетика – она вся об управлении – то на системном уровне мы не создаем текст, – мы управляем процессом создания образа текста. Это управляющие инструменты, которые, как указывал Б. Латур, по общему правилу «никогда не бывают «просто» инструментами, готовыми к применению: они всегда изменяют те цели, которые вы мысленно ставите» [7, с. 200].

Ключевая проблема (в т. ч. применительно и к журналистике): когда я читаю книгу, я читаю книгу; когда я читаю электронную книгу, я читаю текст книги. Не книга (объект), а текст. Я пишу не статью (которая попадет в контекст других материалов на газетной полосе), я пишу электронный текст, который будет связан только с тематическими акцентами издания [10, с. 223]. По сути, меняется прагматика жанра, но мало того. На экране мы имеем дело не с вещественностью статьи (в которой значимы и размер, и типографика, и оформление, и даже качество бумаги), – мы имеем дело не со статьей, а с «образом статьи», представление которого определяется настройками экрана. Это важный на самом деле сдвиг. Человекообразен – интерфейс, и именно он задает те свойства формы, которые влияют на смысл. Журналист пишет

(или снимает видео, не суть) прежде всего для экрана, для настроек платформы — и только потом для читателя (зрителя).

Возвращаясь к книжной полке — это человекоразмерный интерфейс к человекоразмерным объектам. Немного переиначивая Г. Гарфинкеля, объект, обладающий качеством фоновой незаметности в своей повседневности [3].

Между 1985-м примерно и 1995-м в мире имел место массовый, который Р. Шартье назвал «великим книжным побоищем» [10, с. 224] — тогда книги, журналы и газеты после микрофильмирования или оцифровки начали (ориентируясь на идеи «безбумажного офиса») раздавать или просто выбрасывать. При этом мало кто проверял воспроизводимость микрофильмов или оцифровок и мало кто озадачился созданием условий для их хранения. В результате часть книг в библиотеках и множество выпусков газет и журналов того времени (особенно городских и районных) просто исчезло — оцифровки не сохранились, а физические архивы были уничтожены.

К этому надо добавить, что на весьма привлекательные в смысле экономии ресурсов идеи «безбумажного офиса» (развиваемые как бы не с 1950-х) наслонилась тенденция к унификации документов и документооборота по критерию «машиночитаемости». И в погоне за сиюминутной экономией было напрочь упущено, что бумажный документ обладает рядом важнейших аффордансов, запускающих и «склеивающих» существующие социальные взаимодействия [14, с. 142]. Впоследствии будет потрачено почти десять лет на компенсацию несовершенств «социального дизайна» человеко-компьютерных интерфейсов.

Что имеем на начало 2023-го — интеллектуальная работа — в том, что касается фиксации ее результатов — широко компьютеризирована. И даже более того, часть этой работы люди готовы отдать алгоритмам искусственного интеллекта вроде пресловутого ChatGPT. Кроме разве что тех, кто процесс мышления все еще фиксирует на бумаге. И у части тех журналистов, которые привыкли делать заметки в блокнотах.

В 1990-х «треугольник» сломался, в том смысле, что предметы мебели остались, но связи между ними случайны. На столе стоит компьютер, но если не компьютер, а планшет или смартфон, то и стола не надо. Стеллаж и полка — место сначала для коробок с дискетами, CD, DVD, иногда для распечаток и инструкций к программам; позже — для флэш-дисков и кое-какой нужной периферии. И, конечно, статуэтки, дипломы и прочие статусные или дизайнерские элементы. Это просто полка. А вот своего места (!) интеллектуальной работы, — которое книжная полка в «треугольнике» четко маркировала, — у человека его больше нет.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Башляр Г.* Поэтика пространства. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 352 с.
2. *Бурде П., Болтански Л., Кастель Р., Шамборедон Ж.-К.* Общедоступное искусство: опыт о социальном использовании фотографии. М.: Изд. группа «Праксис», 2014. 456 с.
3. *Гарфинкель Г.* Исследование привычных оснований повседневных действий // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 1. С. 41–69.
4. *Деланда М.* Новая философия общества: Теория ассамбляжей и социальная сложность. Пермь: Гиле Пресс, 2018. 170 с.
5. За новую мебель. Итоги первого общесоюзного конкурса проектов мебели жилых и общественных зданий. М.: Гослестехиздат, 1933. 88 с.
6. *Крамер А. Ю.* Концепт «культурных индустрий» и воспроизводство в культуре прессы как медиаиндустрии // Международный журнал исследований культуры. 2017. № 1 (26). С. 102–112.

7. *Латур Б.* О сложности быть акторно-сетевым теоретиком: интерлюдия в форме диалога. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. 384 с.
8. *Мержанов Б. М.* Интерьер жилища. М.: Знание, 1970. 48 с.
9. *Нельсон Дж.* Проблемы дизайна. М.: Искусство, 1971. 207 с.
10. *Шартье Р.* Письменная культура и общество. М.: Новое издательство, 2006. 272 с.
11. *Штейнберг З. Г.* История книгоиздания в Европе. Пять веков от первого печатного станка до современных технологий. М.: ЗАО Центрполиграф, 2020. 287 с.
12. *G. H. F.* The Daily newspaper: The History of its production and distribution. Montreal: John Doudall&Son, 1878. 34 p.
13. *Jarausch K. H.* Graduation and careers // A History of the University in Europe. Vol. 3. Universities in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries (1800–1945) / Ed. by W. Ruegg. Cambridge Mass.: Cambridge University Press, 2004. P. 363–389.
14. *Sellen F. J., Harper R.H.R.* The Myth of the Paperless Office. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2002. 231 p.
15. The Boston Herald and its history. Boston, Mass., 1878. 93 p.
16. The Chicago Tribune. Chicago: Tribune Co., 1922. 302 p.